

БЛАГОДАРНОСТЬ КАК ЖАНР РЕЧЕЭТИКЕТНОГО ДИСКУРСА (на материале произведений писателей-врачей)

Пономаренко Е.А.

*Крымский государственный медицинский университет
им. С.И. Георгиевского*

В настоящее время одним из перспективных направлений отечественной лингвистики является жанроведение (генристика). Антропологическое языкознание опирается на понятие речевого жанра как на один из наиболее эффективных объясняющих механизмов при рассмотрении ситуаций использования языка, механизмов порождения и интерпретации речи.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать речевой жанр «*благодарности*» с позиции константных и факультативных признаков «модели речевого жанра», а также проанализировать языковые средства, маркирующие данный речевой жанр.

Материалом исследования послужили художественные произведения писателей-врачей А.П. Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова, Н.М. Амосова, Ю.З. Крелина, Ф.Г. Углова.

В отечественной лингвистике речевой жанр (далее РЖ) рассматривается на уровне текста и на уровне дискурса. Для изучения средств речевого оформления жанровой интеракции, по мнению Н.Д. Арутюновой, Ф.С. Бацевича, В.В. Дементьева, В.И. Карасика, М.Л. Макарова и др. ученых больше подходит термин дискурс. Будучи понятием многозначным, дискурс неоднократно становился предметом полемики и вызывал противоречивые толкования. Однако в большинстве работ лингвистов сложилась традиция, в рамках которой под словом *дискурс* (от франц. *discourse* – речь) понимается «целостное речевое произведение в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их создания. Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [2: с.136-137]. Принимая во внимание многообразие теоретических изысканий в истолковании сущности природы речевых жанров, мы будем понимать речевые жанры как дискурсивное явление, рассматриваемое с позиции континуальности речевой цепи.

Представим речевой жанр «*благодарности*» в соответствии с позицией «модели речевого жанра», предложенной Т.В. Шмелевой. Исследователь полагает, что в речевом сознании говорящего существует «типовой проект», канон, схема РЖ, для характеристики которого важны семь «конститутивных признаков»: 1) коммуникативная цель; 2) концепция адресанта; 3) концепция адресата; 4) событийное содержание; 5) фактор коммуникативного прошлого; 6) фактор коммуникативного будущего; 7) языковое воплощение [12: с.83]. Анализ

исследованного нами материала свидетельствует о том, что «паспорт жанра» может быть дополнен и расширен. Опираясь на вышеизложенную точку зрения, мы будем разграничивать конституирующие признаки на константные и факультативные. К константным признакам будем относить стратегии и тактики речевого общения; концепцию адресанта; концепцию адресата; эмоционально-психологические особенности говорящего и слушающего; фактор коммуникативного прошлого; фактор коммуникативного будущего и языковые средства. Факультативные конституирующие признаки – это образ автора произведения (автора-врача) (по В.В. Виноградову); религиозно-мифологическая составляющая и паралингвистические средства (невербальные средства общения).

Слово *благодарность* появилось в русском языке в период распространения христианства на Балканах и на Руси. Оно вошло в лексический состав старославянского языка путем калькирования при переводе греческих церковных книг. Ср.: *благодарение* от [$\leftarrow$ гр. ΕΥΧΑΡΙΣΤΙΑ, ευχαριστία, где εὖ – благо и χαρισ – дар].

В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля зафиксированы следующие лексемы: *благодарствовать* или *благодарить*, *благодарность*, *благодарный*. Так, *благодарствовать* или *благодарить* – «дарить словом или делом, или желать кому блага, добра; изъявлять благодарность, признательность; объявлять себя должником за услугу, признавать одолжение; спасибить кому, говорить спасибо» [6: с.92]. *Благодарность* трактуется как «чувство признательности, желание воздать кому за одолжение, услугу, благодеяние; самое исполнение этого на деле» [6: с.92]. *Благодарный* – «признательный, чувствующий и изъявляющий благодарность; признающий оказанные ему услуги, добро» [6: с.92].

Современный «толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н.Ю. Шведовой дублирует перечень лексем со значением благодарности, представленных в предыдущих лексикографических справочниках. Следует отметить, что данный словарь к лексеме *благодарность* добавляет еще 4-е значение: Ср.: *Благодарность* – «1. см. благодарный. 2. Чувство признательности к кому-н. за оказанное добро, внимание, услугу. 3. Слова, выражающие эти чувства. 4. Официальное выражение высокой оценки чьего-н. труда, действий» [9: с.47]. *Благодарить* – «1. Будучи внутренне обязанным кому-нибудь, испытывать и выражать чувство благодарности, признательности. 2. Вежливыми словами, жестами выражать свою признательность за что-н.» [9: с.47]. *Благодарный* – «1. Чувствующий или выражающий благодарность. 2. Приносящий хорошие результаты, оправдывающий затрачиваемые силы, средства» [9: с.47]. Из предъявленных толкований видно, что лексема *благодарить* изначально включала в себя достаточно широкий спектр значений: любой добрый поступок мог быть назван благодарностью. Позже благодарностью стала называться только ответная реакция на добрый поступок, а затем и чувства, охватывающие субъекта благодарности при оказании ему какой-либо услуги.

Характеризуя концептосферу речевого этикета, Н.И. Формановская отмечает, что в толковании В.И. Даля слов *благодарствовать* или *благодарить* «вскрывается первоначальное сущностное значение благодарности: «дарить словом или делом, или желать кому благ, добра», а также предощущение коммуникативного воплощения – речевого акта: «исполнение этого на деле» [10: с.38]. Развивая свое суждение по поводу семантической структуры речевого акта *благодарности*, исследователь полагает, что семантика *благодарности* может быть вскрыта с помощью следующего объяснения: «воспринимая и оценивая оказанную услугу, считаю необходимым словесно воздать за нее, в меру услуги и в избранной тональности для создания благоприятного климата» [10: с. 41]. А. Вежбицкая в рамках семантической теории элементарных смысловых единиц предлагает собственную формулу речевого жанра *благодарности*: «*Благодарность* – знаю, что ты сделал для меня нечто хорошее; говорю: я чувствую к тебе нечто хорошее по этой причине; говорю это, потому что хочу, чтобы тебе было приятно» [4: с.74].

Речевой жанр *благодарности* принадлежит к этикетным речевым жанрам, которые «реализуют социально заданные регулирующие правила речевого поведения в зоне кооперативности и, таким образом, имеют имплицитную положительную оценочность» [11: с.91-92]. Речевой этикет (как и вежливость, которую он вербализует) может быть: а) искренним выражением доброжелательности к адресату (положительные чувства и эмоции); б) формальным исполнением ритуала (вне чувств и эмоций); в) маскировкой, манипулятивным поведением (при возможных отрицательных чувствах и эмоциях) [11: с. 93]. Материал нашего исследования представляет факты выражения благодарности в основном только за значительную услугу (исцеление от болезней). В подобном случае большая благодарность обеспечивается определенными интенсификаторами, которые делают выражения благодарности экспрессивными. Экспрессивизация форм выражения благодарности является чем-то необходимым, неконтролируемым, искренним для человека, которому оказали услугу, а вовсе не этикетной формулой, предусмотренной социальной конвенцией.

Стратегической задачей в речевом жанре *благодарности* является стремление говорящего (пациента) словесно выразить свою признательность адресату (доктору) за его доброе, внимательное отношение в период процесса лечения, а также за само исцеление.

Концепция адресанта. Адресантом в рассматриваемом речевом жанре являются пациенты, получившие медицинскую помощь, а также их родственники. Исследованный нами материал художественных произведений как писателей-врачей XIX – начала XX веков, так и авторов советского периода показывает, что жанр *благодарности* реализуется в ситуациях как успешного, так и неблагоприятного окончания процесса лечения, в период первичного медицинского осмотра, а также оказания незначительной медицинской услуги, например, назначение лекарственных препаратов.

В период завершающей фазы действия контактоустанавливающей функции говорящий искренне выражает свою благодарность за полученную помощь в исцелении от болезней. В этом случае наиболее распространенным способом выражения благодарности являются высказывания, где центральным организующим элементом выступает нейтральная лексема *спасибо*, уместная как в высокой торжественной речи, так и в непринужденной бытовой коммуникации. *Спасибо* является междометием – частью речи, которая «передает разные чувства, эмоции с помощью особых слов и интонации, не называя их» [8: с.114]. Слово *спасибо* может быть частью сложного предложения или употребляться изолированно, в виде самостоятельного предложения. В большинстве случаев данная лексема сочетается с различного рода обращениями-регулятивами. В произведениях советских писателей – с обращениями по имени-отчеству, что определено социально-статусными нормами профессионального общения. Ср.: – *Как вы себя чувствуете? – Да как есть здоров. Спасибо, ваше благородие, что отходили. А наемдни так уж и думал, что помирать пора пришла...* (Вересаев, Без дороги); – *Терпи, завтра будет лучше. Собери всю свою волю. – Буду стараться. Спасибо вам...* (Амосов, Мысли и сердце). – *Спасибо, Борис Павлович. Значит, я могу прямо на работу идти? – Конечно. Все в порядке. Идите. Извините, мне на операцию. До свидания* (Крелин, Хочу, чтобы меня любили).

Внимательное отношение докторов проявлялось не только в период клинического обследования или после хирургической операции. Медики постоянно давали своим пациентам рекомендации по употреблению различных медикаментов, проводили всевозможные процедуры. Подобные незначительные услуги также являлись поводом для словесной благодарности, которая реализовалась в компоненте «за что»: Например: *Она поклонилась акушерскому креслу, стоящему за моей спиной, затем из-за пазухи достала широкогорлый флакон и запела льстиво: – Спасибо вам, гражданин доктор, за капли. Уж так помогли, так помогли!.. Пожалуйте еще баночку* (Булгаков, Тьма египетская); – *Дай вам Бог здоровья за эти капли... полбаночки – как приехала, а полбаночки – как спать ложиться. Как рукой сняло...* (Булгаков, Тьма египетская); – *Спасибо тебе, Дмитрий Григорьевич, за беспокойство... Да что говорить... Отдыхайте. Весь выходной испортил вам* (Крелин, Без затей).

Выраженное в поведении уважительное отношение к адресату (доктору) проявляется также в целом ряде стилистически повышенных речевых формул. Следует отметить, что употребление подобных этикетных выражений зафиксировано нами только в речевых жанрах, извлеченных из рассказов писателей-врачей конца XIX – начала XX веков. Анализ контекстов художественной прозы советских авторов указывает на стремительное сокращение вариантов оформления признательности и тенденцию к унификации способов выражения чувства благодарности. По этому поводу А.Г. Бердникова отмечает, что «наиболее часто для выражения благодарности, независимо от стилевой принадлежности текста, выступает лексема *спасибо*. На периферию поля благодарности в первую очередь уходят формулы вежливости, что, возможно,

связано с уменьшением востребованности вежливого поведения социумом либо с ускорением общего ритма жизни, который не оставляет времени на длительное соблюдение конвенциональных ритуалов» [3: с.59]. Следует также отметить, что употребление языковых средств со значением *благодарности* в произведениях советского периода носит усредненный и автоматический характер, что, на наш взгляд, объясняется сложностью патологического процесса, когда говорящему физически трудно произносить слова благодарности.

Наравне с лексемой *спасибо* в произведениях конца XIX – начала XX веков одним из главных слов, маркирующих ситуацию благодарности, выступает классический перформатив *благодарю*, для которого «возможно такое употребление формы первого лица единственного числа настоящего времени (несовершенного вида) активного залога индикатива, которое равносильно однократному выполнению обозначаемого этим глаголом действия» [1; с.199]. Данный перформатив нередко сопровождается интенсификаторами вежливости. Ср.: – ***Благодарю вас, доктор, спасибо***, – сказала мать, а Лидке велела: – ***Скажи дяденьке спасибо*** (Булгаков, Стальное горло); – ***Покорнейше вас благодарю!*** – очень вежливо ответил мельник. – *Наслышаны об вас. Все довольны. Говорят, так помогаете... И на впрыскивания согласен, лишь бы поправиться* (Булгаков, Тьма египетская).

Лексемы *благодарю* и *благодарность* способны строить наибольшее число конструкций. Следовательно, выражение благодарности с помощью этих слов должно было бы стать наиболее частотным. Однако лексема *благодарность* имеет стилистические ограничения: она тяготеет к официальной, торжественной речи и практически не используется в разговорной. Сфера употребления лексемы *благодарю* имеет свои возрастные ограничения. Как правило, она используется говорящими старшего или среднего поколения, обладающими определенным уровнем речевой культуры.

Эквивалентом перформатива *благодарю* может служить часть составного именного сказуемого в форме настоящего времени *благодарен*. Объект-адресат в данном случае представлен личным местоимением в форме дательного падежа. Лексема *благодарен* может иметь при себе обстоятельства меры и степени. Ср.: – *От бога?.. Скажите, Аксинья, зачем же вы меня ночью позвали?* – спросил я. – *Бог-то богом, а я вам говорю: если бы не позвали меня, ваш муж теперь в гробу лежал бы, знаете вы это? Ведь он уже кончался, когда я пришел.* – ***За это я вам по гроб жизни благодарен***, – сказал Черкасов и поклонился (Вересаев, Без дороги); – ***Благодарим покорнейше***, – ответил солдат хмуро и удалился держась за щеку (Булгаков, Пропавший глаз).

Исторический период начала XX века в России характеризовался различного рода катаклизмами и кризисами. Наибольший урон обществу наносили войны, голод и эпидемии. Возрастала смертность от инфекционных и детских болезней. Низкий уровень развития медицины сказывался и в недостатке медикаментов (пенициллин будет открыт Флемингом только в 1929 году); отсутствовали технические средства диагностики, вследствие чего врач был вынужден по

внешним признакам определять болезнь, полагаясь только на свои органы чувств. В такой осложненной ситуации спасение жизни больного считалось настоящим чудом. Стараясь отблагодарить доктора за оказанную медицинскую помощь, пациенты или их родственники понимали, что обычные этикетные слова не смогут отразить все пробужденные позитивные чувства, поэтому они описывали свое эмоциональное состояние. В момент произнесения такого речевого произведения говорящий употребляет восклицательные предложения, часто включающие обращения (обращения-регулятивы), междометия, явления хезитации. Ср.: – *Доктор, голубчик! Дорогой! – в экстазе твердила мать. – Вы понимаете ли, что вы для меня сделали?.. Нет, вы не поймете!.. Господи, как мне вам сказать?.. Когда я буду умирать, у меня в голове один вы будете! Вы не знаете, я дала обет скорбящей божией матери...Как мне вас отблагодарить, я навеки ваша должница неоплатная!.. Доктор!.. Простите...И она хватала мои руки, чтобы целовать их...*(Вересаев, Записки врача). В подобных случаях благополучного излечения от длительных заболеваний адресант употребляет расширенные этикетные формулы, которые произносятся им как бы неконтролируемо, с особым чувством искренней признательности. Такие языковые единицы «могут получать дополнительную экспрессивную функцию особой выразительности, усиления, выделения, подчеркивания а) значимости производимого этикетного действия, б) отношения к адресату» [11: с.94]. Наиболее характерными средствами и приемами экспрессивизации являются «гипербализованные определители-интенсификаторы» [12: с.94]. Например: *Премного благодарен, ваше благородие, за то, что умереть не дали* (В.В. Вересаев, Без дороги); *Дорогой доктор, моя благодарность не знает границ!* (Чехов, Цветы запоздалые). В состав экспрессивных речевых формул может входить редко употребляемая в настоящее время лексема *обязан (обязана)*, встречающаяся преимущественно в речи старшего поколения. Ср.: *Молясь, как на полубога, смеясь от счастья и плача, княгиня подошла к приехавшему Топоркову и сказала: – Я обязана вам, доктор, спасением моих детей. Благодарю!* (Чехов, Цветы запоздалые). – *Премного обязана вам, доктор, благодарю!* (Вересаев, Записки врача).

В советское время формулы гипервежливости практически не используются. Формулы благодарности воспринимаются как отклонения от привычной нормы.

Случаи трагического исхода болезни также не оставляли равнодушными родственников пациента к нелегкой врачебной деятельности. В таких ситуациях говорящий мог описывать свое состояние как способ выражения благодарности и при этом использовать языковые средства манифестации благодарности: *Через полчаса я собрался уходить. Прачка вдруг засуетилась, торопливо полезла в сундук и протянула мне засаленную трехрублевку. – Примите, батюшка ... за труды ...– сказала она. – Уж как вы старались, спаси вас царица небесная!* (Вересаев, Записки врача). – *Что ж, батюшка, – сказала мне мать секретаря. – Ты с нашим горем сам исстрадался, лицом почернел. Значит, тому было быть, сильнее всех нас, значит, эта хворь оказалась. Что не оставил нашу семью в черный час – за это кланяемся...* (Углов, Сердце хирурга).

Концепция адресата. Адресатом в речевом жанре *благодарности* являются земские доктора, исцеляющие население от различных инфекционных заболеваний, а также врачи-хирурги, деятельность которых связана с излечением заболеваний, вызванных нарушением работы внутренних органов.

Выражение благодарности в обществе базируется на определенном опыте, сформированном в сознании человека. Предполагается, что оказавший услугу субъект, как правило, рассчитывает на получение благодарности, поскольку это его социально-коммуникативное право. В рамках нашего исследования наблюдается обратное: адресат не ждет благодарности за предоставленную им медицинскую помощь, более того, в некоторых случаях он вовсе ее отвергает. Ср.: *Тогда она, обвисая на костылях, развернула сверток, и выпало длинное снежно-белое полотенце с безыскусственным красным вышитым петухом... – Не возьму, – сурово сказал я и даже головой замотал. Но у нее стало такое лицо, такие глаза, что я взял...* (Булгаков, Полотенце с петухом); – *Ну спасибо тебе, Дмитрий Григорьевич! – Подожди со спасибом. Не развилась бы инфекция. Не люблю я ранних повторных операций* (Крелин, Без затей). Подобное коммуникативное поведение слушающего обусловлено определенными экстралингвистическими обстоятельствами. Во-первых, соблюдением моральных принципов медицинской этики, формирующих профессиональный образ врача. В соответствии с некоторыми из них доктор обязан безвозмездно оказывать медицинскую помощь пациенту независимо от возраста, национальности и социальной принадлежности. Во-вторых, обладанием высоких личностных качеств, в ряду которых находим скромность, доброжелательность, чуткость, сочувствие, снисходительность и толерантность.

Фактор коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего. Речевой жанр *благодарности* определяется нами как реактивный речевой жанр, так как представляет собой реакцию на определенное событие. Таким событием в условиях нашего исследования является значительная услуга – медицинская помощь в исцелении от болезней. Данный речевой жанр часто следует после речевого жанра постановки диагноза, а также иногда после жанра утешения. Ср.: *Никакого аппендицита и в помине нет → (жанр благодарности) – Спасибо, Борис Павлович. Значит, я могу прямо на работу идти? – Конечно. Все в порядке.* (Крелин, Хочу, чтобы меня любили); – *Операция окончена → (жанр утешения) Не бойся, солдат, больше не будет кровотечения → (жанр благодарности) Взгляд страшного глаза потеплел, затуманился слезой* (Амосов, ППГ-2266).

Невербальные средства общения.

В речевом жанре благодарности говорящий располагает определенным набором паралингвистических средств, зафиксированных лишь в рассказах конца XIX – начала XX веков. Анализ материала показывает, что наиболее часто встречаются тактильные паралингвистические средства (поцелуи рук, рукопожатия), причем женская речь чаще сопровождается невербальными компонентами, нежели мужская. Например: *И она, плача, упала передо мною на колени и старалась поцеловать мне руку, благодаря меня за мою ласковость и*

доброту... (Вересаев, Записки врача); Она поглядела на меня, и щеки ее замело розовой краской. – Руку поцелуй, – вдруг неожиданно сказал отец (Булгаков Полотенце с петухом); Доктор!.. Простите... И она хватала мои руки, чтобы целовать их... (Вересаев, Записки врача). Она низко, в пояс поклонилась мне и, бросившись на грудь, стала покрывать меня поцелуями. Смущенный Андрей пожал мне руку со словами: — Никогда наша семья не забудет про это... (Углов, Сердце хирурга).

Обычай целовать руки существует в русском обществе со времен раннего средневековья. По утверждению Г.Е. Крейдлина, он связан с поклонением представителям царской власти: «целование рук – это выражение не только почтения перед царственной особой, но и благодарности за некое оказанное ею благодеяние» [7: с.91]. Обычай целования рук распространен и в христианской православной традиции. После исповеди или божественной литургии, а также при желании получить благословение верующий в знак благодарности целует руку священника, таким образом выражая свою духовную причастность к Божественному миру. Поскольку образ доктора в рассказах конца XIX – начала XX веков в сознании адресанта ассоциировался с образом Спасителя, использование подобного жеста-касания позволяет говорить о демонстрации признания у адресата статуса «высокого лица» и единение с ним в период коммуникативного взаимодействия.

Этикетные паралингвистические средства воплощают в себе элемент ментального сценария благодарности. Поэтому они могут выражать чувство благодарности без участия собственно языковых средств общения. Например: *Екатерина Александровна, улыбаясь своими славными сумрачными глазами, горячо пожимала мне руку обеими руками... (Вересаев, Записки врача); Назавтра боли значительно уменьшились, температура опустилась, больная смотрела бодро и весело. Она горячо пожала мне руку ... (Вересаев, Записки врача); Княгиня, покачиваясь, как утка, и краснея, подошла к доктору и неловко всунула свою руку в его белый кулак (Чехов, Цветы запоздалые).*

— Будет тогда в самый раз! Одного сына, доктор, называю Ваней, чтоб не переводились на нашей Руси Иваны, а другого в твою честь — Федором. Пусть растут Иван Иванович и Федор Иванович Смирновы! На радостях нам, на страх врагам! Он с чувством пожал мне руку (Углов, Сердце хирурга).

Характеризуя рукопожатие как тактильный способ выражения благодарности, отметим, что этот обряд также имеет давнюю традицию. По данным исторической науки, рукопожатие как ритуал изначально представлял собой стремление показать невооруженную ладонь с вытянутыми пальцами с целью настроить собеседника на положительные взаимоотношения. «Рукопожатие – это не только намерение продемонстрировать отсутствие оружия и мирные намерения, но и, учитывая важные смысловые компоненты взаимности и симметрии, демонстрация равенства и солидарности, это знак того, что после рукопожатия партнеры становятся доступны один другому, готовы общаться или участвовать в некотором совместном предприятии» [7: с.102]. Обычай

рукопожатия также использовался во время церемонии, оформлявшей заключение вассального договора. В ходе такой церемонии вассал становился на одно колено перед сюзереном и в знак повиновения, покорности и благодарности вкладывал сложенные ладони в его руки. Прибегая к подобному жесту, в нашем случае адресанты также выражают особую искренность и признательность за оказанную значительную услугу.

В русской культурной традиции жест рукопожатия сохранился и до настоящего времени, при этом значительно расширив и укрепив свое использование. Сейчас рукопожатие является преимущественно мужским тактильным жестом и сопровождает речь говорящего в основном при встрече или прощании.

Отсутствие невербальных средств выражения благодарности в художественной прозе XX века свидетельствует о стремлении к сокращению временного отрезка общения участников коммуникации, что обусловлено высокой занятостью медицинского персонала; неостребованностью правил этикета в социуме; об ускорении повседневного ритма жизни, ведущего к нивелированию ритуализированных форм общения, а также о падении общего уровня этикетной культуры.

Языковые средства. Речевой жанр благодарности располагает следующими языковыми средствами. На лексическом уровне отмечается употребление: 1) лексики, выступающей в качестве распространителя для уточнения компонента «за что»: *помощь, совет, лекарство, беспокойство*: – *По-моему, больница вам ничего не даст. Постарайтесь недельку еще полежать. Ну, не совсем, конечно, но больше лежать. А начнете ходить – только с эластичным бинтом или чулком. – Вот спасибо за совет, Борис Павлович. Я так и думала, так и хотела* (Крелин, Хочу, чтобы меня любили); 2) имен существительных, называющих членов семьи: *мама, сын*: – *Спасибо за все, что делали для мамы. Вы так помогли ей, как, не знаю, сумел бы я помочь ей сам, будучи врачом... Я это почувствовал, это останется во мне на всю жизнь...* (Углов, Сердце хирурга); 3) личных имен человека (антропонимов): – *Спасибо, Яков Григорьевич, теперь могу быть уверен, что здоров* (Крелин, Суета).

На морфологическом уровне языка типичными средствами выражения благодарности являются 1) междометие *спасибо*: – *Дела не очень. Очень сильное поражение склерозом. Чего только мы не делали! Закрываются сосуды ног – и все. – Да мы знаем, Юрий Михайлович. Уж столько вы времени старались. Спасибо вам. И в выходной приехали* (Крелин, На что жалуется, доктор?); 2) сочетающийся с интенсификаторами перформативный глагол *благодарю*: – *Покорнейше вас благодарю, – отозвался солдат, с некоторым изумлением глядя в чашку, полную его крови* (Булгаков, Пропавший глаз); 3) личное местоимение «**Вы**» в форме винительного падежа множественного числа: *Княгиня, покачиваясь, как утка, и краснея, подошла к доктору и неловко всунула свою руку в его белый кулак. – Позвольте вас поблагодарить! – сказала она* (Чехов, Цветы запоздалые).

Синтаксический уровень также располагает определенными средствами выражения благодарности, основными из которых выступают: 1) этикетные речевые формулы, иногда сочетающиеся с интенсификаторами: *Дорогой доктор, моя благодарность не знает границ!* (Чехов, Цветы запоздалые); 2) обращения-регулятивы, не обозначающие конкретных черт человека, но регулирующие взаимоотношения общающихся и выполняющие характеризующую функцию *батюшка, голубчик, доктор, ваше благородие*: – *Его святая воля ... Он лучше знает, – ответила прачка, и губы ее снова запрыгали от рыданий. – Батюшка мой, спасибо тебе, что жалел мальчика!..* (Вересаев, Записки врача).

Таким образом, модель речевого жанра *благодарности* включает несколько конститутивных признаков, на основании которых осуществляется идентификация данного жанра: стратегическая задача говорящего, концепции адресанта и адресата (аспекты их взаимодействия), факторы коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего, паралингвистические средства, языковое воплощение.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – 757с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136-137
3. Бердникова А.Г. Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-прагматический аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dissers.info/dier_176854.htm.
4. Вежбицкая А. Речевые жанры в свете теории элементарных смысловых единиц //Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М., 2007. – С. 68-80.
5. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 1993.
6. Даль В.И. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: Рус. яз., 2000. – Т.1. – С.92.
7. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224с.
8. Сидоренко Е.Н. Морфология современного русского языка. В двух частях. Ч.2: Глагол. Наречие. Безлично-предикативные слова. Модальные слова.

- Служебные части речи. Междометие. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2003. – 166 с.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. Ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2008. – С. 47.
  10. Формановская Н.И. Концепты русского речевого этикета. Благодарность как концепт и его коммуникативное воплощение / Избранные статьи разных лет (юбилейный сборник). – М., 2007. – С. 34-48.
  11. Формановская Н.И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении / Избранные статьи разных лет (юбилейный сборник). – М., 2007. – С. 85-95.
  12. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра// Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С.81-89.

Summary

In the article the structural peculiarities of the genre of gratitude are studied on the base of novels by writers – doctors A. Chekhov, V. Veresayev, M. Bulgakov.

UDK 811.111 - 342

CHANGING ATTITUDES TOWARDS NON-STANDARD VARIETIES OF THE ENGLISH DIALECTS

Prysyazhnyuk Oksana

I'lla Mechnikov Odessa State University

The main **aim** of this essay is to provide a general overview of the way in which dialectal issues are handled in England, the place where the English language was born. In order to fulfill this purpose, we shall first of all comment on some general aspects concerning language variation in England. Obviously enough, any account of language variation in this country will inevitably entail referring to such notions as standardness, RP and non-standard varieties. In the course of this explanation, we will realize the extent to which social values may play a role in the way the English language is used and viewed in this part of the world. Once the general framework is set, we will then draw our attention to a brief description of the so-called North-South divide, that is to say, the degree to which the North and the South of England differ from a socioeconomic and linguistic perspective. The last section of this paper will be devoted to a detailed commentary on one of the most well-known urban dialects of England: Geordie. Although this section will include some linguistic facts, it should be noted that